

УДК 316.73
И-80

Ирицян Гурген Эдмондович

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин
Новороссийского филиала Пятигорского государственного лингвистического
университета
тел.: (918) 452-92-86

Дионисизм Ф. Ницше как новая культурологическая парадигма

Аннотация:

В работе анализируются такие культурологические идеи Ф. Ницше, как аполлоновское и дионисийское в культуре. Эти идеи представляются как начало формирования традиции по осмыслению кризиса философии культуры. Ницше осознал системный кризис Европейской культуры и ввел в научный оборот тему кризиса. После Ницше проблема осмысления кризиса культуры становится доминирующей в философии и культурологии.

Ключевые слова: аполлоновское, дионисийское, формирование традиции, кризис культуры, философия, культурология, европейская культура.

С работ великого немецкого мыслителя Ф. Ницше, по нашему мнению, начинается осмысление кризиса метафизических и рационалистических основ классической философии культуры, а его идея о взаимодействии аполлоновского и дионисийского в культуре представляет собой своеобразный анализ этого кризиса. Позже в XX в. тема кризиса была «подхвачена» и развита уже в своих формах такими мыслителями, как О. Шпенглер, М. Хайдеггер и представителями постмодернизма. После Ницше идеи декаданса и кризиса Западной культуры прочно входят в современную философию, культурологию и становятся доминирующими. Как справедливо утверждают авторитетные исследователи, «современное понимание культуры складывалось как осознание кризиса культуры» и через это осознание происходит выход в культурологизирование как теоретическое осмысление культуры [1, с. 70]. По мнению Г.В. Драча, Ф. Ницше, а вслед за ним О. Шпенглер создают «предпосылки для формирования устойчивого интереса к культурпроблематике и превращения ее в самостоятельную область, достойную внимания интеллектуалов» [2]. То есть анализ осознания Ф. Ницше кризиса метафизических и рационалистических основ классической философии культуры раскрывает, в определенной мере, ранние этапы генезиса науки о культуре в целом.

Обращение молодого Фридриха Ницше к античной трагедии не случайно: в то время вся немецкая и европейская культура глубоко пропиталась идеями эллинизма. Нонконформизм Ф. Ницше выразился не в отказе от всеобщего увлечения того времени, а в пересмотре их содержания. Вызов, который он бросил классической профессуре, заключался в тотальной переоценке древнегреческого «рая», в демонстрации его темных дионисийских сторон. Там, где все усматривали в античных образах совершенство, высокую простоту, строгость, идеальный образ мыслей, Ницше нашел буйство инстинктов, волю к могуществу. Античная Греция была только предлогом и примером, той классикой, которую надо было опровергнуть, а затем замахнуться на все остальное, в том числе и на пересмотр понимания феномена культуры.

В книге «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше говорит, что существование аполлоновского и дионисийского начал в культуре не заслужено забыто, ведь только это знание способно объяснить противоречия в жизни и культуре. Основной материал трагедии – древние мифы о Дионисе, Аполлоне, Прометее,

Оресте, Эдипе, о смысле жизни и содержании трагического искусства. Размышляя о древнегреческой трагедии, об аполлоновском и дионисийском началах в культуре, Ф. Ницше уже выходит за рамки классической философии культуры с ее панлогизмом и слепой верой в прогресс.

В древнегреческом пантеоне боги Аполлон и Дионис – противоположные символические типы. Аполлон – это небесное, солнечное существо, сын Зевса, олицетворяющий солнечное начало; он – источник света, носитель божественного откровения: «Аполлон как бог всех сил, творящих образами, есть в то же время и бог, вещающий истину, вещающий грядущее» [3, т. 1, с. 60]. Дионис же, напротив – олицетворение земного, бог плодородия, покровитель растительности, земледелия, виноделия. Дионис – бог радости, веселья, буйства природы. «Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчужденная, враждебная или поработанная природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном – человеком» [4, с. 62]. Аполлон и Дионис символизируют противоположность небесного и земного начал. Аполлоновское начало – источник гармонии, порядка и покоя. Ему противостоит дионисийское – источник не покоя, стихийных порывов, иррационализма. Аполлоновское насилие цивилизации над природой, разума над инстинктом не может пройти, по мнению Ницше, бесследно. Реакция компенсации выразилась в бурном движении дионисийства. Трагическая сущность мира, по Ницше, полностью тождественна дионисийскому началу, но вместе с тем идея Диониса одновременно является идеей утверждения, более того, дионисийское утверждение выступает высшей формой утверждения жизни как таковой.

В «Рождении трагедии» Ницше рисует дионисийский идеал как обожествление природы, природного способа бытия с его избытком сил, энергии, жизни, где торжествует целое, жертвуя частным (индивидуальным), и для этого целого не существует ни добра, ни зла. Такое природное, инстинктивное бытие всегда оставалось для Ницше высшим образцом истинной жизни, жизни «по ту сторону добра и зла», «по ту сторону» морали, корыстно сфабрикованной законодателями, философами, творцами «фальшивых монет». Фактически Аполлон – бог человеческих иллюзий, гармонии, порядка, красоты, Дионис – бог правды жизни, ее страданий, экстазов. Он же – бог художественных откровений, творчества, приобщения к истокам бытия. Аполлон – это сновидение, Дионис – опьянение. С одной стороны, прекрасные иллюзии, грезы художника и поэта, с другой – жизнь во всем своем буйстве. Место встречи этих богов – греческая трагедия. В конечном итоге, по мнению Ницше, предпочтение надо отдать дионисийскому началу в культуре, ибо только через него может существовать подлинная жизнь.

На наш взгляд, аполлоновское начало уместно отождествить с пониманием культуры в классической философии культуры – это рационализм, возвышенность, гуманизм, спекулятивность. А дионисийское начало – это одна из основ философии жизни с ее биологизмом, буйством жизни, мощью чувственности, отказом от светлого, возвышенного, но спекулятивного в культуре в пользу реальной жизненности. Хоть буквальных высказываний такого характера в работах Ницше мы не находим, но сама логика его идей о культуре ведет именно к такой интерпретации.

Исследовательница творчества Ф. Ницше Л.З. Немировская пишет: «Аполлон предостерегал от диких порывов, передавал мудрый покой бога. Эта красота и гармония аполлоновского мироощущения отразилась в гомеровском искусстве. Но при этом Аполлон оставался богом иллюзий и заслонял человека от смерти иллюзией вечности. Дионис же порождал противоположные инстинкты: тревоги, сомнения, смятения. Под влиянием такого мироощущения человек сбрасывал с себя «покрывало Майи», то есть как бы пробуждался от сна иллюзий и праздновал праздник единения с природой. Ибо только природа способна научить человека жизни, она лучше (чем христианство и традиционная мораль) знает добро и зло» [5, с. 7]. Если же человек, не доверяясь жизни, создает метафизические конструкции, «машинного Бога», то он перестает принадлежать себе и попадает под власть отчужденного знания – все это способно уничтожить подлинную культуру. Ницше вполне осознавал подобную

опасность в случае обращения общества к абстрактным ценностям. Такое обращение способно привести к трагедии. Собственно говоря, та ситуация, которую застал Ницше, и была, по его мнению, предтрагедийной, общество и культура находились во власти абстрактных, вымышленных ценностей, в состоянии «декаданса» (упадка), другими словами, кризиса культуры, и это как раз постулировалось философией культуры. Аполлоновское (рациональное) начало в культуре превалировало, а дионисийское (жизненное, иррациональное) было не заслужено забыто, что осознавалось Ницше как глубокий, системный кризис культуры, который необходимо преодолевать.

Ницше предлагал больше учиться у жизни, чем учить жизнь – в противовес Сократу; больше сомневаться, чем следовать традиции. Сократ был учителем юношества, сама смерть его должна была стать уроком, но Ницше этого не принимал. Он склонялся к мудрости досократических греков, мудрость эта выражалась в том, что, будучи ближе всех к оргиастическому источнику и избытку жизни, а стало быть, к хаосу и безумию (дионисийское начало), они противопоставляли ему упорядочивающую пластику солнечных стрел Аполлона. Гераклит потому неизмеримо выше Сократа, что у него человек полностью вписан в космос, и неотривен от него. Философствование и жизнь в культурной среде у досократиков не отделены друг от друга. Человек связан с природой своей жизнью, своей экзистенциальностью. Ницше заметил тенденцию упадка дионисийского начала в культуре и искусстве еще Древней Греции, эта тенденция сохранилась до времени жизни самого философа.

Драматическое искусство Еврипида все больше отрывалось от Эсхила и Софокла, склоняясь к скептицизму, риторике, жесту. Дионисийская мощь уступает аполлоновскому созерцанию, глубина и полнота чувств – иллюзиям. Дионисийское начало – это жадность к жизни. Трагедия культуры в том, что она пошла по пути Сократа, что в ней возобладало александрийское, аполлоновское начало: полноту жизни заменили знание, порядок, наука. Именно сократовская культура подменила жизненность пользой, выгодой, вытеснила высшие жизненные ценности – персональность, плюрализм, борьбу. Сократовская культура оказалась культурой нивелирующей, рационалистической и догматической. Именно с Сократа начинается неслыханная тирания разума и морали, вытеснившая жизнь на задворки. Чем можно было победить жизнь? Тем, что начали внушать человеку мораль и разумность любой ценой, ценой даже самой жизни. Такое понимание человеческой сущности и предназначения является началом классической линии осмысления культуры, той линии, которую увенчали представители немецкой классической философии. И одной из важнейших тем творчества Ницше было развенчание основных постулатов теоретиков этого направления через осознание сущностных черт кризиса культуры. Затем эти идеи кризисности культуры упали на благодатную почву и были переработаны и использованы самыми разными мыслителями от О. Шпенглера, М. Хайдеггера и до постмодернистов.

«Высшее утверждение жизни и утверждение Диониса для Ницше полностью тождественны друг другу. Жиль Делез совершенно прав, полагая, что настоящим отцом сверхчеловека является не Заратустра, а Дионис; следовательно, суть ницшеанства дана именно в Дионисе. Отсюда следует абсолютное оправдание посясторонности Дионисом и через Диониса и не менее абсолютное отрицание трансцендентности во имя торжества жизни, нашедшей свое метафизическое подтверждение в Дионисе и дионисийской стихии изначальной сущности бытия» [6, с. 129], – пишет А.Р. Геворкян, делая упор именно на дионисийском начале. По его мнению, «...основная метафизическая часть учения Ницше, данная не через призму «переоценки всех ценностей», «смерти Бога», и «царства сверхчеловека», а в своей первоизначальности, кристальной чистоте ницшевской мысли, то, что составляет ее протоноуменальное содержание – диады Диониса и Аполлона» [7, с. 128]. Таким образом, «диада» аполлоновского и дионисийского, по мнению А.Г. Геворкяна, является основой понимания культуры у Ницше.

Схожее понимание аполлоновского и дионисийского мы находим у известного отечественного философа А.Ф. Лосева: «Наивысший синтез дионисизма и

аполлинизма содержится в аттической трагедии. Трагедия возникает как аполлинийское зацветание дионисийского экстаза и музыки. Дионис не может существовать без Аполлона... Изображенная такими чертами аттическая трагедия является для Ницше наивысшим проявлением греческого духа...» [8, с. 966, 967]. Лосев высоко оценивает Ницшевское осмысление греческой культуры и считает, что тот первым дал глубоко осмысленное, цельное понимание античности: «Вся эта концепция Ницше... является замечательным явлением человеческой мысли, с небывалой глубиной проникшей в затаенные истоки и корни античной души» [9, с. 966, 967].

По нашему мнению, одну из важных мыслей о культуре в «философии жизни» Фридриха Ницше можно выразить в следующем виде: необходимо, чтобы мы решительным актом воли приняли эту жизнь (глубинной основой которой является диалектика аполлоновского и дионисийского), как она нам теперь дана, со всеми ее страданиями и муками, со всей ее бессмыслицей. Эта мысль находится в непримиримом противоречии к концепции культуры в рамках классической философии культуры, культура у Ницше уже не есть только развитие «человека разумного», культура для него – это жизнь «человека деятельного». Слабый ищет в жизни смысл, цель и предустановленный порядок; сильному она должна служить материалом для творчества его воли. В конце концов, каждый должен идти, по мнению мыслителя, своей уникальной дорогой, иначе человек не реализует своих творческих возможностей. Претворяя в реальность чьи-то наставления и предсказания, идеи и теории, человек не может стать ни чем, кроме как рабом обстоятельств, различных теорий, идеологий, не имеющих ничего общего с реальной жизнью. Именно такой идеологией представляется в свете идей Ницше вся предшествовавшая ему философия культуры, на базе идей которой основывалась классическая модель культуры.

«Рождением трагедии» Ницше разрушал все профессорские стереотипы о «детстве» человечества – красоте, гармонии, любви, философской идиллии. Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины. Античность – полнота жизни, следовательно, конкуренция, борьба, мощь страстей, дионисийство, хаос мифов, наиболее адекватно отвечающий глубине жизни. Аполлон и Дионис – два первоначала культуры: гармония, счастье, тишина, светлый покой и темная стихия порыва, диссонансы, противоречия, муки жизни. Жизнь, в том числе, феномен и эстетический, именно поэтому возникает культура, несущая на себе отпечаток человеческих антиномий.

Отрицая традиции европейского рационализма, берущие свое начало в преобладании Аполлоновского у Еврипида и Сократа, осознавая и по-своему описывая кризис западной культуры, Ницше тем самым осознает и выражает кризис метафизических и рационалистических основ философии культуры. Он, по сути дела, закладывает новую культурологическую парадигму, становится основоположником линии, в русле которой разворачивалось теоретизирование о культуре через ее кризисность. Язык Ницше полон мифов и символов (аполлоновское, дионисийское, жизнь, нигилизм, переоценка ценностей и т.д.), и это уже не философия культуры со своим стремлением к рационализму и академизму, это мостик к современным культурологическим теориям.

Ссылки:

1. Драч Г.В. Наука о культуре в эпоху постмодерна // *Cogito. Альманах истории идей. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2.*
2. Там же.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Соч.: В 2 т. М., 1990.
4. Там же.
5. Немировская Л.З. Ницше: мораль «По ту сторону добра и зла» // *Новое в жизни, науке и технике. Сер. «Этика» № 6. М., 1991.*
6. Геворкян А.Г. Проблема Диониса и Аполлона у Ф. Ницше и В. Шмакова // *Вопросы философии. 1999. № 6.*

7. Там же.
8. Лосев А.Ф. Ф. Ницше // Ницше: Pro et contra: Антология. СПб., 2001.
9. Там же.